

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:001.8

Е. П. Аристова <http://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

«Помыслить советское бытие»: советские, российские и зарубежные исследования второй половины XX – начала XXI в.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Аристова Е. П. «Помыслить советское бытие»: советские, российские и зарубежные исследования второй половины XX – начала XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 184-192. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192

В статье представлен обзор исследований советского бытия, предпринятых рядом советских, российских, европейских и американских исследователей во второй половине XX в. и в начале XXI в.

Оценка советского бытия европейскими и американскими авторами определялась изучением природы тоталитаризма. Анализировались особенности классической европейской метафизики, определившие формирование идеологий (концепция идеального государства Платона, концепция рациональных законов исторического развития К. Маркса), психология «человека массы», влияние пропаганды и альтернативные ей способы управления массами, значение образа сверхдержавы для современной России. К ключевым авторам можно отнести К. Поппера, Х. Арендт, З. Бжезинского и К. Фридриха, Дж. Ная, У. Лакера.

Советские авторы обращались к темам защиты гуманистических ценностей и гражданских прав и свобод, трансформации культуры в условиях государственного контроля и создания особой эстетики тоталитарного искусства, существования индивида в условиях коллективизма, формирования и разрушения особой коммуникационной среды советского мира: системы знаков и мифов. Среди наиболее известных авторов – Г. С. Померанц, И. Н. Голомшток, Б. Е. Гройс, П. Вайль и А. Генис, Г. Л. Смирнов, А. А. Зиновьев, М. К. Мамардашвили, М. П. Капустин, Ю. А. Левада.

Отдельный интерес представляют исследования, объектом которых является наследие СССР как своеобразной погибшей цивилизации – анализ повседневной жизни, собирание словарей и энциклопедий советской жизни, изучение воспоминаний. Особого внимания заслуживают работы Л. В. Беловинского, И. Б. Орлова, Н. Б. Лебиной, Н. Н. Козловой.

Ключевые слова: советское бытие, советский человек, тоталитарное общество, мягкая сила, пропаганда, коллективизм, индивидуализм.

THEORETICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

E. P. Aristova

To define soviet existence: soviet, russian and world researches of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century

The article explores works about soviet life by soviet, russian, european and american researchers, written in the second half of the 20th century and at the beginning of the 21st century.

The understanding of soviet life by european and american authors was determined by studying the nature of totalitarianism. The authors analyzed the features of classical european metaphysics that determined the formation of ideologies (the concept of the ideal state of Plato, the concept of rational laws of historical development of K. Marx), the psychology of the «man of the masses», the influence of propaganda and alternative ways of controlling the masses, the importance of the image of a Superpowerful Empire for modern Russia. The key authors are K. Popper, H. Arendt, Z. Brzezinski and K. Friedrich, J. Nye, W. Laqueur.

Soviet authors analyzed the themes of protecting humanistic values and civil rights and freedoms, transforming culture under state control and formation of the aesthetics of totalitarian art, the existence of an individual in collectivist environment, the formation and destruction of the special communication environment of the soviet world: a system of signs and myths. The most interesting authors are G. S. Pomerants, I. N. Golomstock, B. E. Groys, P. Weil and A. Genis, G. L. Smirnova, A. A. Zinoviev, M. K. Mamardashvii, M. P. Kapustina, Yu. A. Levada.

Some studies are concentrated on the legacy of the USSR as a kind of lost civilization – the analysis of everyday life, creating dictionaries and encyclopedias of soviet life, the studying of memories and diaries. The works by L. V. Belovinsky, I. B. Orlova, N. B. Leбина, N. N. Kozlova are notable.

Keywords: soviet life, soviet people, totalitarian society, soft power, propaganda, collectivism, individualism.

Социальная утопия СССР была особой реальностью, чужой для мира западных демократий и отгороженной от множества ключевых для XX в. мировых тенденций развития науки, техники, искусства. С одной стороны, СССР был идеологическим государством, подавляющим инакомыслие, использующим для достижения политических целей различные формы насилия. С другой – это было уникальное общество, пытавшееся избавиться от всех пороков известных в истории форм социальности, создать нечто новое. В современном мире не просто массовой, но и глобальной, унифицированной, культуры воплощение инаковости интересно и привлекательно. В нем можно увидеть секрет сохранения суверенитета государства, опыт, пусть и неудачный, развития страны в условиях изоляции, тяжелый урок «долгосрочных результатов» государственного террора и принуждения. В настоящей статье представлен обзор работ ряда авторов, исследовавших советское бытие в разных аспектах: присущие ему тоталитарные черты, попытки следовать гуманистическим ценностям, опыт формирования массовой культуры и массового контроля, проникающих в сферу повседневности.

Авторы с «других берегов»

Враждебность советского мира в западных демократических странах долгое время ассоциировалась с тоталитаризмом. Описания его ужасающего образа изначально были связаны с осмыслением событий Второй мировой войны. Позже отрицание тоталитаризма стало этической мотивацией противостояния Советскому союзу в годы Холодной войны.

Австриец еврейского происхождения, философ и теоретик науки **К. Поппер**, спасаясь от нацистского режима, эмигрировал в Новую Зеландию. Там в годы Второй мировой войны он написал известнейшую работу о социальном устройстве – «Свободное общество и его враги». Основу тоталитарного государства философ видел в приоритете общезначимого над индивидуальным. Истоки этого разделения он усматривал в сочинениях Платона. Афинский мыслитель представлял идеальное государство застывшим кастовым со-

обществом – совершенным и не нуждающимся в изменении. Все в идеальном городе должно было быть направлено на общую цель, и человеческая индивидуальность не считалась достоинством, поскольку могла уклониться от любви ко всеобщему благу [Поппер, 1992, Т. I, с. 139]. Благодаря интерпретации платоновских идей Аристотелем, рассуждавшим о совершенстве как о цели развивающегося и меняющегося предмета, идеал государства в более поздней классической европейской философии рассматривался как конечная точка процесса, стремления [Поппер, 1992, Т. II, с. 46]. XIX в. стал временем оракулов развития лучшего мира. Георг Вильгельм Гегель связывал существование нации с процессом раскрытия мирового разума [Поппер, 1992, Т. II, с. 70]. К. Маркс создал теорию общезначимых законов разворачивания истории. У исторического процесса, согласно его теории, есть цель – социализм, то есть общество всеобщего благоденствия без эксплуатации [Поппер, 1992, Т. II, с. 100]. Для достижения этой прекрасной мечты марксизм, к сожалению, позволил себе допустить любые средства, включая насилие, что стало основой для торжества власти сильного, обесценивания правовых процессов [Поппер, 1992, Т. II, с. 139, 144]. Советский союз, в представлении К. Поппера, был утопией, печальным последствием неучтенных русскими марксистами практических проблем. Россия, в целом крестьянская страна, пренебрегла экономическими реалиями ради «ускоренного» достижения социализма как вершины борьбы пролетариата и пошла именно по пути насилия [Поппер, 1992, Т. II, с. 100, 128]. Рациональность, в представлении К. Поппера, была немыслима без критического мышления и, как следствие, уважения к индивидуальному рациональному суждению, над которым не должны превалировать никакие общезначимые идеологии.

Х. Арентс, современница К. Поппера и свидетельница нацизма, в работе «Истоки тоталитаризма», исследуя причины событий периода Второй мировой войны, обращается к поведенческим и психологическим механизмам. Тоталитарные режимы имели особое, возможно, впервые по-

явившегося в начале XX в., адресата – человека массы. Существующий в перенаселенном, многогранном, сложном мире, зачастую обреченный на постоянную бедность, тяжелую работу, унижения и невозможность изменить свою судьбу человек массы охотно увлекался пророческими учениями о прекрасном будущем. Подобные теории представлялись рациональными и опирающимися на науку (сталинизм сквозь призму марксизма опирался на историческую науку и классовый подход, немецкий национал-социализм – на грубые версии теории Дарвина и расизм). Тоталитарные режимы для отчаявшегося человека XX в. создали *«целый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность»* [Арендт, 1996, с. 466]. Они утешали, позволяли найти свое место в мире через причастность социальной группе (нации, классу и др.). Разворачивание подобных политических систем – это обреченное на провал воплощение утопий, крайний идеализм, стирающий грань факта и фикции, часто лишенный даже *«здорового своекорыстия»* [Арендт, 1996, с. 559, 615], так что правители в борьбе за идеалы истощают и истребляют собственный народ. Индивидуальность в мире масштабных идей и торжества масс стирается с помощью террора, доносов, преследования родственников и знакомых арестантов, с помощью тайного заключения и казней. Вседозволенность власти уничтожает человека как *«юридическое лицо»*, дисциплина тайных лагерей превращает узников в автоматы, лишенные собственной спонтанной воли, тайные казни стирают сам факт существования гражданина [Арендт, 1996, с. 569, 581, 586].

Описывая подобную ужасающую антигуманную картину, Х. Арендт ссылается уже не столько на классическую метафизику, сколько на увиденные ею лично примеры – гитлеризм и сталинизм, которые она считает идентичными.

Книга **З. Бжезинского и К. Фридриха «Тоталитарная диктатура и автократия»** 1956 г. – это работа эпохи Холодной войны. Признаки тоталитаризма конкретизируются: очерчивается образ врага, необходимый для апологии противостояния Советскому союзу. Есть шесть характерных черт: идеология, единственная партия, возглавляемая одним человеком, терроризирующая полиция, монополия государства на средства коммуникаций, монополия государства на оружие, централизованно управляемая экономика. Подобные режимы уникальны в истории, поскольку другие формы автократии не сочетали в себе сразу все признаки. Одна из причин их возникновения – развитие технологий, позволяющих контролировать коммуни-

кации [Brzezinski, 1961, p. 9, 11]. Правитель в подобных обществах не несет ни перед кем ответственности и не подчиняется закону, распространены бюрократизм и присоединение к партии как привилегия, позволяющая войти в круг «своих», избранных [Brzezinski, 1961, p. 4, 27]. Власть активно использует и даже создает искусственно символы и мифы, которые служат легитимации ее решений. Управление сознанием также реализуется с помощью образования, построенного на дисциплине, уважении к авторитету учителя как представителя государства [Brzezinski, 1961, p. 99, 107, 119, 122]. Все стороны жизни пронизываются пропагандой. Общество вырабатывает своеобразное представление о нормальности как анонимности: «нормальный» член общества по умолчанию согласен с решениями партии [Brzezinski, 1961, p. 135, 137].

Однородность, безликость, одинаковость всего информационного пространства порождает феномен «вакуума», недостатка информации и постоянного недоверия к любой информации и к любому члену общества. Подобный вакуум, некомфортный в том числе и для власти, вынуждает время от времени ослаблять контроль, подвергая себя разрушению. Вакуум – это рак тоталитарных режимов [Brzezinski, 1961, p. 137, 166, 173].

После изменения представлений об образе зловещего врага в результате распада СССР в 1991 г. внимание западных исследователей сместилось на особенности собственной государственности, позволившие победить в полувековом противостоянии Холодной войны, – на политические, правовые и культурные традиции, которые интерпретировались как успешные, универсальные для всего мира. В книге **«Мягкая сила»** 2004 г. американский политолог **Дж. Най** определяет характерный, с его точки зрения, для западной либеральной культуры способ управления массами: используется не пропаганда, а так называемая мягкая сила. Ее суть заключается в том, что симпатии к проявлениям массовой культуры, а также восхищение достижениями высокой культуры, образования, науки и техники того или иного государства способствуют его политическому влиянию через влияние на личный выбор вовлеченных в политический процесс людей [Nye, 2004, p. 7]. Дж. Най считает, что мягкая сила не подавляет свободную циркуляцию информации, не отрицает свободы выбора и самовыражения, не контролируется государством. В условиях современных цифровых обществ мягкая сила превращает всю политику в соревнование в легитимности и привлекательности [Nye, 2004, p. 31].

Интересно, что исследователь почти не обнаруживает мягкой силы у СССР. Ее подъем был, конечно, в 1945 г., да и утопия коммунизма все же нравилась угнетенным по всему миру, однако культура, всегда управляемая властью, не смогла создать популярных продуктов, пригодных для мирового рынка: «...не существовало советского Элвиса Пресли» [Нуе, 2004, р. 73, 74]. Мягкая сила оказалась задавлена жесткой. Ориентация общества и экономики на военное доминирование и превосходство вооружения лишила Союз ключевых в информационную эпоху преимуществ [Нуе, 2004, р. 7, 20].

У. Лакер обращается к теме развития постсоветской России. В работе «**Путинизм. Россия и ее будущее с Западом**» 2015 г. искания новой национальной идеи он представляет реваншем правых убеждений. Однако пробуждающийся русский национализм связан со множеством противоречий. Идея уникального положения государства между Европой и Азией, влекущего и уникальную историческую судьбу народа, сомнительна, поскольку политические устремления правительства и симпатии элит уже несколько столетий обращены к Европе. Многонациональность федерации, дезинтеграционные процессы, тяжелая демографическая ситуация и приток иммигрантов из соседних стран, часто азиатских и исламских, не позволяют поставить во главу угла русскую культуру и Православие. В результате на первый план выходит связанный с недавним советским прошлым образ сверхдержавы, окруженной сонмом врагов, который является объединяющей ценностью. Ради нее значительная часть населения терпимо относится к злоупотреблениям властей и экономическим трудностям. При этом бывшие и настоящие сотрудники спецслужб становятся новым дворянством, власть строится по принципу формирования круга избранных государственныхников и их приближенных, служащих поддержанию системы. Остальные, как например, представители олигархии, за политические амбиции могут быть подвергнуты преследованиям.

У. Лакер довольно точно описывает породивший «путинизм» кризис демократических ценностей, ради которых когда-то был опрокинут грандиозный Советский союз: «*Большинство россиян пришло к убеждению, что демократия – это то, что происходило в их стране между 1990 и 2000 гг., и они точно больше не хотели этого*» [Лакер].

Советские и российские авторы: тенденции отрицания и аналитики

Осмысление советской жизни, само собой, происходило и в СССР. Многое здесь определя-

лось государственной идеологией. Однако на долю отдельных интеллектуалов, чаще противопоставлявших себя власти, выпала уникальная задача рассказать, каким было существование в пространстве массовой идеологии, контроля, коллективизма, закрытости информации. Многие советские интеллигенты проявили мужество в отстаивании гуманистических ценностей, неразрывно связанных с гражданскими свободами. Однако было здесь и сложное восприятие самих себя: ненависть и любовь к советскому миру одновременно, ужасающие картины тоталитарного подавления культуры и понимание объединяющего значения советского образа жизни, сюрреалистические картины утопии, которая и сбылась, и не сбылась одновременно.

Г. С. Померанц – человек сложной судьбы военного советского поколения. Филолог, исследователь творчества Ф. М. Достоевского – с конца 1930-х гг. сталкивается с непониманием «немарксистского» характера своих работ, его научная карьера подрывается. В 1941 г. он добровольцем уходит на фронт, переживает опыт войны, ранение. В 1949 г. получает арест за антисоветскую агитацию, пятилетний срок и последующую ссылку. По возвращении в Москву после реабилитации в 1958 г. работает на скромной должности библиотечного служащего. Давление государства на деятелей культуры переживает остро (это была и личная трагедия, и сочувствие судьбе Б. Л. Пастернака, художников-лианозовцев и других). Свобода и безопасность самовыражения становятся его идеалом. Г. С. Померанц пишет многочисленные эссе, статьи (до 1980-х гг. зачастую в самиздате), участвует в объединениях инакомыслящих.

В 1965 г. он произносит речь в Институте философии, лейтмотивом которой было противопоставление гуманного отношения к человеку и государственного строительства. Крайность в первом не позволяет укрепить организацию общества для создания грандиозных сооружений, развития обороны и хозяйства. Крайность во втором лишает народ внутренней духовной силы, нравственности, преемственности. Докладчик заявил: «*Я позволю себе сказать, что ни один народ не может сохраниться, если ему не о чем петь. Народы, которым было о чем петь, переносили века угнетения и рассеяния, снова подымались и собирались*». Он настаивает на разоблачении безнравственности политики Сталина, на противостоянии пыткам, доносам и жестокости. Государственное строительство, игнорирующее гуманистические этические принципы, приводит к бессмысленному результату: «*Это великодушное государ-*

ство обладало только одним недостатком: жить в нем было нельзя» [Померанц]. В центре внимания Григория Соломоновича – также «проблема духовного вакуума», то есть разрушения в советском обществе традиционного крестьянского уклада. Задача интеллигенции в условиях вакуума состоит в трансляции и поддержании глубинных общечеловеческих ценностей [Померанц].

Искусствовед **И. Н. Голомшток** в 1934 г. был арестован за антисоветскую деятельность и осужден на 5 лет, впоследствии столкнулся с ограничениями в профессиональной деятельности, с 1972 г. жил в эмиграции в Великобритании. В 1990 г. увидела свет его книга «**Тоталитарное искусство**». Искусство СССР эпохи Сталина, фашистской Италии и нацистской Германии исследователь сближал. У них были общие корни: революционный дух авангарда, желание футуристов служить большим целям, техническому развитию, революции, государству, создавая новую, нарушающую все устои эстетику. С другой стороны, реальное сближение творчества с политикой в XX в. привело к репрессиям против ярких стилей модерна. Тоталитарные режимы, управляющие массами, требуют от искусства предельной простоты, доступной каждому, и трансляции укрепляющих режим мифов, а не персонального самовыражения автора: «...содержание привносится в форму извне, превращая произведение искусства в своего рода экран отражения универсального мифа о новой действительности» [Голомшток, 1994, с. 20, 102, 171, 187]. Формируется особая эстетика: преобладают подчеркнутый оптимизм, приукрашенность, нарядность картин в сочетании с ясной реалистической фигуративной манерой изображения. Постепенно для упрочения политических завоеваний подвергаются гонению все формы творчества, не связанные с поддержанием идеологии. В СССР это реализуется созданием профессиональных союзов представителей творческих профессий. Непричастные к союзам не имели законной возможности приобрести материалы, инструменты, не получали заказов и не могли публиковаться. Государство было единственным заказчиком и главным критиком.

Б. Е. Гройс, представитель более позднего поколения искусствоведов и публицистов, в работе 1993 г. «**Утопия и обмен**» акцентировал роль авангарда как прародителя тоталитарного искусства, а не побежденного им соперника. Авангард, в отличие от традиционализма, признавал технический прогресс неотвратимым и по-своему определял роль художника как человека, который творчеством меняет мир, аналитика и производителя, управляющего новым техническим про-

странством. Он не противостоит политической власти, а пытается с ней породниться и даже уподобляется Богу-творцу. Официальное сталинское искусство, будто наследник авангарда, как и он, видело своей целью воспитание нового человека [Гройс, 1993, с. 20, 38]. Но оно нивелировало фигуру художника-демиурга, сливая его с государством. Приобщая художника к идеологическим образцам в русле тоталитарного стиля, партия позволяет ему созерцать типическое, всеобщее, идеальное, всегда превалирующее над единичным [Гройс, 1993, с. 51, 66]. Индифферентное отношение ко всякому личному высказыванию сблизило сталинскую утопию с плюралистичным и критичным постмодерном: «*Утопизм советской идеологии и заключается, если угодно, в ее постмодерности, в ее запрете на всякое собственное слово как “одностороннее”, “недиалектическое”, изолированное от практики и т. п., что в целом выражает тот же эффект, что и постмодерная критика*» [Гройс, 1993, с. 99]. Более позднее советское неофициальное искусство (например, творчество Э. Булатова, И. Кабакова, В. Комара и А. Меламида 1970-1980-х гг.) было не столько продолжением якобы прерванной традиции авангарда, сколько интерпретацией утопии тоталитарного искусства. Художник не обогащал действительность, а копировал имеющееся, по-своему интерпретируя миф о себе как о творце.

П. Вайль и **А. Генис**, также принадлежавшие к позднему, не заставшему сталинскую эпоху поколению инакомыслящих, рано эмигрировали. Их совместное исследование «**60-е. Мир советского человека**» посвящено эпохе, преподносимой в качестве противоположности сталинизму. В 1961 г. партия обещает достижение коммунизма уже на глазах живущих поколений советских граждан [Вайль, 1998, с. 13]. Шестидесятые годы становятся периодом непрекращающегося поиска опоры для новой утопии, альтернативной террору, поиска мотивации и источника веры в мечту. Десятилетие было временем увлечения революционным задором Кубы, напоминающим дух борьбы первых большевиков; временем благоговения перед уже, кажется, совсем близким космосом, напоминающего искреннюю религиозную веру; временем покорения суровой природы Сибири, дающего почувствовать вкус настоящей борьбы; временем спортивных достижений, радующих очевидностью и наглядностью побед. Победа в Великой отечественной войне также использовалась для упрочения веры в силу социализма, в оправданность сомнительной и оторванной от жизни идеологии. Шутливость, простота, ироничность, противоположные суровости и торже-

ственности сталинской эпохи, стали новыми нормами общения, призванными сделать речь как бы более ясной и правдивой. 1960-е гг. вообще были временем слов, советский человек того периода говорил и жил среди речи, знаков, мифов. Уничтожение гражданских прав сделало слово единственным доступным поприщем самовыражения. Уничтожение частной собственности обратило вспять достижения эллинской и европейской философии и культуры: вместо внимания к индивидуальному сознанию пришло стремление к коллективу и общению [Вайль, 1998, с. 57, 326]. Это было время дружбы и сплочения, которому, к сожалению, все же не удалось упрочить утопию. Пражская весна 1968 г. для многих стала концом мечты о человеческом социализме без террора.

Книга советского философа **Г. Л. Смирнова** 1971 г. «**Советский человек**» – это попытка сформулировать позитивную философско-антропологическую концепцию от имени власти СССР в эпоху развитого социализма. В центре внимания автора марксистское представление о влиянии среды на формирование личности: коллективизм не угнетает, а развивает индивида, потому что коллектив и есть источник психологического и интеллектуального развития. Социалистический тип общества порождает определенный опыт, усваиваемый индивидом, и как следствие определенный способ взаимодействия между индивидами. Отмена частной собственности изменила характер труда и отношения к другому человеку. У работника нет ощущения, что производимый им продукт отдается кому-то чужому, потому что продукт делается для общества в целом: «*Государство – это мы*» [Смирнов, 1971, с. 133, 158]. Становление приобщенной к идеологии личности происходит «*на всех этажах психики*» – от чувств до теоретического умственного рассуждения. Глубина нравственности, круг мыслей расширяются до масштабного коллективного строительства [Смирнов, 1971, с. 214].

Этот одобрительный взгляд на советского человека был спорным. **А. А. Зиновьев**, участник Великой Отечественной войны, свидетель и сознательный противник сталинизма, будучи выдворенным из СССР в 1977 г., в 1981 г. публикует знаменитую книгу «**Homo soveticus**». Советского человека он определяет в мрачных тонах: «*Гомосос приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает еще худшего, покóрен распоряжениям властей... Он всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за страну как за целое, готовностью к*

жертвам и готовностью других обрекать на жертвы».

Для хомо советикуса характерен специфический имморализм: понять его природу невозможно вне условий, которые его окружают, а это условия, в которых аморально было бы требовать от человека соблюдения морали. Человек советский – это человек всегда неопределенный, живущий ложью и путающий жизнь с ложью, причем ему не обязательно быть выходцем из СССР, так как homo soveticus – наднациональная и надполитическая категория. А. А. Зиновьев описывает сюрреалистическую атмосферу Мюнхена, где собрания эмигрировавших антисоветских активистов напоминают советские партсобрания, где представители коммунистической номенклатуры проповедуют Православие, где советские и западные шпионы прекрасно осведомлены о деятельности друг друга и только изображают секретность, где торжествует ирреальность симулякров и того и другого лагеря, так что СССР и Запад являются отражениями друг друга [Зиновьев, 2020].

Советский (по времени жизни) и европейский (по смыслу текстов) философ **М. К. Мамардашвили** с 1950-х гг. активно вовлекался в неформальные объединения интеллектуалов, задававшие тон развитию философии в СССР. Природа мысли и мыслящего субъекта были темой его исследований в области истории философии, темой многочисленных статей и лекций. Можно сказать, что Мераб Константинович учился мыслить сам и учил этому других. Особенности советской жизни, конечно, влияли на характер мышления. М. К. Мамардашвили в 1990-е гг. так описывал трудность сохранения себя как мыслящего субъекта: «*Надо оставаться незаметным, не теряя свободы, это такая трудная задача, что нужно посвятить ей все силы*» [Мамардашвили, 1992, с. 352]. Советская жизнь воспринималась им как вынужденная, нелегитимная, ненормальная.

Свобода была исключена в «эмбриональном состоянии» общества. Советский человек был инфантилен и желал быть окруженным заботой матери-государства (ей можно быть и суровой!), незнанием и безответственностью, воображаемым миром светлых надежд. М. К. Мамардашвили видел корни подобной ситуации в русской культуре, в которой, по его мнению, присутствовала нелюбовь к форме, к конкретике и одновременно мечта о будущем, всегда неопределенном и именно поэтому остающимся мечтой [Мамардашвили, 1992, с. 346]. Распад Советского союза Мераб Константинович встретил с оптимизмом – как начало эпохи свободного и ответственного мышления.

Советский философ и эстетик **М. П. Капустин** в книге «**Культура и власть**» 2002 г. видит в противостоянии интеллигенции и советского режима не временное нелегитимное явление, а выражение вечного конфликта культуры, олицетворяющей свободу и терпимость, и власти, олицетворяющей насилие. В СССР культура была сделана придатком власти, но центром свободы по-прежнему мог стать культурный авторитет. К таковым относились в разное время М. Горький, А. Солженицын, В. Высоцкий и др. [Капустин, 2020].

Книга «**Ищем человека**» социолога **Ю. А. Левады** вышла в 2005 г. Это большой труд, обобщающий данные многочисленных социологических опросов, проводившихся с конца 1980-х до начала 2000-х гг., панорама десятилетия перемен в динамике предпочтений населения постсоветской России. Различие поколений влияло на оценки опрашиваемых. Перестройка и гибель Советского союза породили два политически активных «*разочарованных*» поколения (это заставшие сталинскую империю и надеявшиеся на смягчение режима шестидесятники), однако в целом перелом 1992 г. сопровождался больше надеждой на завтрашний день, чем воспоминаниями о дне вчерашнем [Левада, 2006, с. 33, 286]. Граждане СССР все-таки смогли увидеть «*реальный социализм*». Это была бюрократизированная и коррумпированная государственная практика: «*Прямое принуждение, властная информационная и экономическая монополия*» [Левада, 2006, с. 289]. Прошлое казалось интересным как символ, как воспоминание, а не как отбрасываемая тень в виде воспроизведения советских властных и социальных практик [Левада, 2006, с. 297].

Исследователи советской повседневной жизни

Советская империя ушла в прошлое, оставив, как и все другие империи, богатое наследие: здания, предметы, традиции, привычки, воспоминания, крылатые фразы и общеизвестные слова, происхождение которых уже мало кто помнит. Изучение оставленных следов, осмысление культуры – целый пласт современных исследований советского бытия.

Л. В. Беловинский, автор книг о повседневной жизни России и СССР, создал **Энциклопедический словарь советской повседневной жизни**, собрал «*выпавшие из обихода слова и понятия*» [Беловинский, 2015, с. 8]. Речь будто идет о языке погибшей цивилизации: похожая речь все еще звучит, но уже забывается и искажается, требует словаря. Аналогично названному автору **И. Б. Орлов**, автор книги «**Советская пове-**

дневность. Исторический и социологический аспекты становления» 2010 г., анализирует взаимное влияние социальной атмосферы и поведения. Государство нормировало жизнь граждан, но и граждане постепенно стали нормировать жизнь государства [Орлов, 2010, с. 93]. Страшный голод 1920-х гг. затронул около 70 млн человек по всей стране и навсегда оставил в памяти крестьян и их потомков недовольство властью, от которой так и не дождалась помощи. Факты каннибализма, возросшая преступность сделали людей индифферентными к любому злу, замкнутыми и неспособными к самоорганизации [Орлов, 2010, с. 103, 113]. Индустриализация и переселение сельских жителей в города, которые прошли в СССР без подготовки достаточного количества городского жилья, породили явление коммуналок, сделавших нормой всеобщее соглядатайство и доношительство [Орлов, 2010, с. 125]. Недостаток вещей первой необходимости, отсутствие нормальных бытовых условий и сервиса породили теневую экономику [Орлов, 2010, с. 195]. Распространение самогонварения и дешевых государственных пива и водки сделали нормой алкоголизм, криминальное и аморальное поведение [Орлов, 2010, с. 245].

Развивая тенденции, обозначенные названными выше авторами, **Н. Б. Лебина** в книге 2015 г. «**Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю**» также анализирует трансформации первых десятилетий СССР. Быт отличался катастрофическим состоянием: бараки, коммунальные квартиры, алкоголизм, криминализация, разложение традиционного института семьи, недостаток пищи, одежды и предметов первой необходимости. Неустроенность долго сопровождалась сомнительными утопическими экспериментами создания коммун, обобществления имущества, введения «красных» праздников и ритуалов вместо традиционных церковных и т. д. С 1930-х гг. начал формироваться так называемый «большой стиль» – обращение к поведенческим и культурным образцам дореволюционного либо западного буржуазного образа жизни. Возник своеобразный «гламур», демонстрирующий торжество социализма: показное богатство пищи на плакатах и в кулинарных книгах, элегантные мода и развлечения новой элиты, красивые «сталинские» жилые здания. Либеральные начинания 1920-х сходят на нет, правовые нормы и учреждения, призванные разрушать костные старые устои, сменяются механизмами контроля: «*...социальная филантропия была заменена социальным террором*» [Лебина, 2015, с. 253]. Сталинское государство через раз-

граничение норм и аномалий в правовом и общественном пространствах регулирует круг чтения, характер развлечений, семью и даже интимную жизнь. Распространенной становится практика двойной жизни: показного поведения на публике и одновременно сокрытия частного пространства.

Н. Н. Козлова в книге «Советские люди. Сцены из истории», вышедшей в 2005 г., придает повседневности всеобъемлющий характер и рассказывает советскую историю «с точки зрения щепок». Она читает «человеческие документы»: дневники, письма, записки [Козлова, 2005, с. 13]... В числе прочих историй интересны два сюжета из дневников представителей советской элиты. Первый дневник принадлежал госслужащему, работавшему в Смольном в годы Блокады Ленинграда. Он рассказывает о бомбежках, сценах смерти, о старании ленинградцев поддерживать нормальную городскую жизнь – посещать вечеринки и театры. Ему не нравится, что кто-то «достаёт» нужные вещи по блату – честное соблюдение советского порядка для него важно. О Сталине он пишет торжественно, словно это персонализация судьбы. Текст дневника изобилует одновременно орфографическими ошибками и красивыми газетными и плакатными словами – автор явно попал в город из деревни недавно и искренне старался соответствовать канону представителя советской элиты, умело играть в игру знаков и символов, маркирующих его статус и идеалы [Козлова, 2005, с. 274, 283]. Другой дневник – записи «цексовской дочки» эпохи Застоя, вероятно, внучки человека, подобного первому герою. Эта девушка ездит на учебу в закрытую художественную школу для детей творческой и политической элиты на красивом автомобиле с водителем, носит элегантную заграничную одежду. Она привыкла к мгновенному удовлетворению желаний, рамки поведения вызывают у нее раздражение как «советские методы» [Козлова, 2005, с. 446]. Ее возлюбленным становится представитель творческой элиты – юноша вызывающего поведения, борец с системой, избличающий мир. Подобно трикстеру, он приводит героиню к переоценке советской действительности. Пространство знаков, которому тщательно соответствовал ее дедушка, оказывается заколдованным, лживым, ненавистным [Козлова, 2005, с. 451].

Подводя итог проделанного обзора, отмечаем: опыт советского бытия, отраженный многочисленными исследователями, был опытом столкновения насилия и свободы, власти и поэзии, прекрасной утопии и суровой жизни. Акцентировались гуманистические идеалы, проблемность и важность нравственного начала для советского

человека – все это, безусловно, можно рассматривать как здоровую линию преемственности ценностей и тем между советской и современной культурой. Развитие всевозможных форм коммуникации от языка живописи до прослушивающей техники превратило Советский союз в уникальную коммуникационную среду, распространяющуюся на все сферы жизни. Ее дальнейшее исследование представляет в современную информационную эпоху «мягкой силы» значительный интерес.

Библиографический список

1. Арентс Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арентс, пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь советской повседневной жизни. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 776 с.
3. Вайль П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. Москва : Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
4. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. Москва : Галарт, 1994. 296 с.
5. Гройс Б. Е. Утопия и обмен. Москва : Знак, 1993. 380 с.
6. Зиновьев А. А. Homosoveticus // Интернет-портал Zinoviev.ru. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homosoveticus.pdf> (Дата обращения 01.07.2020).
7. Капустин М. П. Культура и власть. Пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале поэзии. URL: <http://capustin.narod.ru/culture/intro.htm#6> (Дата обращения 01.07.2020).
8. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. Москва : Европа, 2005. 544 с.
9. Лакер У. Путинизм. Россия и ее будущее с западом // «Куб»: интернет-портал. URL: <https://www.koob.ru/laqueur/putinism> (Дата обращения 01.07.2020).
10. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 258 с.
11. Левада Ю. А. Ищем человека. Москва : Новое издательство, 2006. 384 с.
12. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Москва : Прогресс, «Культура», 1992. 416 с.
13. Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. Москва : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
14. Померанц Г. Л. О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива // Интернет-портал Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_moral.htm (Дата обращения 01.06.2020).

15. Померанц Г. Л. Человек из ниоткуда // Интернет-портал Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_man_air.htm (Дата обращения 01.06.2020).

16. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. I. Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

17. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие орakулы; пер. с англ.; под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

18. Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. Москва : Изд-во политической литературы, 1971. 376 с.

19. Nye J. S. Jr. Soft power. The means to success in world politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

20. Brzezinski Z. K., Freidrich C. J. Totalitarianism dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Freidrich. New York : Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.

Reference list

1. Arendt H. Istoki totalitarizma = The origins of totalitarianism / H. Arendt, per. s angl. I. V. Borisovoj, Ju. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, Ju. B. Mishkenene, L. A. Sedova. Moskva : CentrKom, 1996. 672 s.

2. Belovinskij L. V. Jenciklopedicheskiy slovar' sovetsoj povsednevnoj zhizni = Encyclopedic dictionary of Soviet everyday life. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 776 s.

3. Vajl' P. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka = The World of Soviet man / P. Vajl', A. Genis. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 368 s.

4. Golomshtok I. N. Totalitarnoe iskusstvo = Totalitarian art. Moskva : Galart, 1994. 296 s.

5. Grojs B. E. Utopija i obmen = Utopia and exchange. Moskva : Znak, 1993. 380 s.

6. Zinov'ev A. A. Homosoveticus // Internet-portal = Zinoviev.ru. Internet portal Zinoviev.ru. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homosoveticus.pdf> (Data obrashhenija 01.07.2020).

7. Kapustin M. P. Kul'tura i vlast'. Puti i sud'by russkoj intelligencii v zerkale poezii = Culture and power. The ways and destinies of the Russian intelligentsia in the mirror of poetry. URL: <http://capustin.narod.ru/culture/intro.htm#6> (Data obrashhenija 01.07.2020).

8. Kozlova N. N. Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii = Soviet people. Scenes from history. Moskva : Evropa, 2005. 544 s.

9. Laker U. Putinizm. Rossija i ee budushhee s zapadom = Putinism. Russia and its future with the West // «Kub»: internet-portal. URL: <https://www.koob.ru/laqueur/putinism> (Data obrashhenija 01.07.2020).

10. Leбина N. B. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii ot voennogo kommunizma k bol'shому stilju = Soviet everyday life: norms and anomalies from military communism to a great style. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 258 s.

11. Levada Ju. A. Ishhem cheloveka = Looking for a man. Moskva : Novoe izdatel'stvo, 2006. 384 s.

12. Mamardashvili M. K. Kak ja ponimaju filosofiju = The way I understand philosophy. Moskva : Progress, «Kul'tura», 1992. 416 s.

13. Orlov I. B. Sovetskaja povsednevnost'. Istorieskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija = Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of formation. Moskva : Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysšej shkoly jekonomiki, 2010. 317 s.

14. Pomeranc G. L. O roli nrvstvennogo oblika lichnosti v zhizni istoricheskogo kollektiva = On the role of the moral appearance of a person in the life of a historical collective // Internet-portal = Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_moral.htm (Data obrashhenija 01.06.2020).

15. Pomeranc G. L. Chelovek iz niotkuda = A Man from of nowhere // Internet-portal = Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_man_air.htm (Data obrashhenija 01.06.2020).

16. Popper K. Svobodnoe obshhestvo i ego vrugi. T. I. Chary Platona = Free society and its enemies. V. I. Charms of Plato / per. s angl.; pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 448 s.

17. Popper K. Svobodnoe obshhestvo i ego vrugi. T. II. Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly = Free society and its enemies. V. II. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles; per. s angl. ; pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 528 s.

18. Smirnov G. L. Sovetskij chelovek. Formirovanie socialisticheskogo tipa lichnosti = Soviet man. Formation of socialist personality type. Moskva : Izd-vo politicheskoi literatury, 1971. 376 s.

19. Nye J. S. Jr. Soft power. The means to success in world politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

20. Brzezinski Z. K., Freidrich C. J. Totalitarianism dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Freidrich. New York : Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.